

«Московско-черногорские» отношения в конце XIX — начале XX вв. (по материалам Архивного отделения Национального музея Черногории)

Одно из самых серьезных заблуждений российской славистики на рубеже XIX–XX вв. — это стереотипное, явно упрощенное и идеализированное представление о «нерушимой дружбе» Российской империи и Черногорского княжества (с 1910 г. — Королевства), зародившейся еще во времена Петра Великого. Архивные материалы не подтверждают этого политического мифа. Официальные отношения двух государств нередко подвергались серьезным испытаниям и переживали острые кризисы. Причиной этого были различные внешнеполитические и дипломатические стратегии, взятые на вооружение правящими кругами стран-партнеров. Россия после тяжелых испытаний на Берлинском конгрессе 1878 г. более-менее твердо придерживалась политики статус-кво на Балканах и настойчиво рекомендовала своим славянским союзникам присоединиться к этому курсу. Обострение противоречий и пограничных споров российские дипломаты старались пресечь в зародыше, а если не удавалось избежать осложнений, неизменно сдерживали балканских коллег, призывая их к осторожности. Черногорские руководители, напротив, никогда не отказывались от идеи территориального расширения. Поэтому любую конфликтную ситуацию на границах Османской империи они готовы были использовать для достижения своих смелых замыслов. Препятствием на пути к мечте были не предостережения и увещания российских дипломатов, а слабость Княжества, ограниченность собственных ресурсов и возможностей. Договориться об общей линии поведения в международных делах оказалось очень сложно.

Откуда же в таком случае у писателей, ученых, журналистов, путешественников возникла глубокая убежденность в существовании прочной российско-черногорской дружбы? Почему в течение многих десятилетий отечественная публицистика писала о союзе двух православных народов? Почему множилось число сторонников этой красивой, хотя и не совсем правдивой точки зрения?

Отчасти ответы на поставленные вопросы следует искать в тех архивных фондах, где отложились материалы «личного» характера — письма, обращения, адреса, прошения, петиции. Они, в отличие от сухих официальных документов, свидетельствуют о симпатиях и антипатиях, о патриотических порывах и благотворительных инициативах, о сочувствии и сострадании, которые проявляли русские и черногорцы по отношению друг к другу. В самом субъективном характере этих материалов заложена бесценная информация об умонастроениях, царивших в обществе в тот или иной момент. Подобного рода «второстепенные» источники оказываются незаменимы при изучении национальных стереотипов, предрассудков и предубеждений, заблуждений и мифов. В Архивном отделении Национального музея Черногории (Архивско одељење Народног музеја Црне Горе — Архивное отделение Национального музея Черногории, далее — АОНМЧ) такие сведения хранятся в личном фонде князя (короля) Николы и в фонде «Обновленные рукописи» («Приновљењи рукописи»). Содержание первого фонда понятно по его названию, в нем осели самые разные сведения, плохо поддающиеся систематизации. Видимо, Никола Петрович оставлял у себя под рукой то, что казалось ему важным или полезным для повседневной работы. Поэтому в папках перемешаны официальные документы и частные обращения по разнообразным поводам как самих черногорцев, так и иностранцев. Второй фонд более цельный по содержанию, это рабочий архив российской дипломатической миссии в Цетинье, который не успели уничтожить или вывезти из страны в годы Первой мировой войны, когда австрийская армия стремительно наступала на Королевство. Секретные материалы в нем отсутствуют, а будничная, маловыразительная на первый

взгляд, жизнь русских дипломатов в Цетинье высвечивается очень ясно. Деятельность миссии предстает перед нами с разных сторон, всплывают неожиданные подробности российско-черногорских контактов.

Во время Первой мировой войны папки из обеих канцелярий были спешно спрятаны, закопаны в землю. Одна часть бумаг погибла, другая была извлечена после войны из тайников; к сожалению, многие источники утрачены или не поддаются прочтению. Однако основной массив документов сохранился и вошел в архивное наследие Черногории. С учетом вероятных потерь, можно утверждать, что около двух десятков единиц хранения в фонде короля Николы, содержащих данные о культурных связях Москвы и Цетинья, представляют собой, пользуясь языком социологов, случайную выборку. Немало свидетельств о характере этих связей содержится и в фонде «Приновльеньи рукописи». В совокупности такого рода архивные данные позволяют судить, во-первых, о формах и целях прямого сотрудничества общественных организаций России с черногорцами. Во-вторых, можно установить и проанализировать инициативы, исходившие от отдельных лиц, считавших своим долгом помочь черногорцам. В-третьих, суммировав содержание разнообразных документов, нетрудно выделить основные направления и реальные результаты «народной дипломатии», выходящей за рамки формального взаимодействия Российской империи и Княжества-Королевства. Именно на почве таких контактов возникала устойчивая эмоциональная связь двух очень разных народов, которую многие считали искренней дружбой.

География неформальных контактов была весьма широкой. Мы находим письменные обращения россиян, присланные в Цетинье из Тобольска, Уфы, Владимира, Херсона, Одессы, Чернигова, Варшавы, Тамбова, Казани и других городов Российской империи. В архиве черногорского правителя сохранилось более сотни «русских» писем. Понятно, что больше всего корреспонденции шло из Петербурга, где располагались не только главные государственные учреждения империи, но и различные общественные организации. Однако и Москва,

как древняя столица России, занимает почетное место среди адресатов.

На основании обращений к князю Николе из Москвы удалось выделить несколько главных направлений, по которым развивались общественные связи с черногорцами. Это — образование, благотворительность, присвоение почетных званий научных учреждений и обществ, высылка светских и духовных книг, выражение монархических чувств по поводу различных юбилеев и семейных событий в правящих домах и, крайне редко, письма от московских фабрикантов. В последних речь шла, как правило, не о предпринимательской деятельности в Княжестве, а о том, чтобы получить престижное звание поставщика черногорского двора¹. Некоторые подобные письма каким-то образом попали в фонд «Приновльеньи рукописи». Там же хранится много документов, связанных с пересылкой из России денег на благотворительные цели, с обучением в Москве черногорских студентов, обращения на имя князя Никола по поводу разных культурных мероприятий, поздравления черногорскому монарху и т.д. Из отдельных фактов и частных инициатив, свидетельства о которых находятся в архивах, складывается многоцветная мозаика «московско-черногорских» отношений.

Начнем с черногорских учащихся. С 80-х годов XIX в. в Московском университете регулярно учились юноши из Княжества. Так, в 1881 г. студенты Врбица, Ораховац, Калуджевич и Радонич получили при посредничестве Азиатского департамента МИД деньги на обучение, переданные черногорской княгиней Миленой². В 1895 г. тот же департамент оплатил возвращение на родину закончившего университет Вука Дюрашковича³. В 1904 г. студент историко-филологического факультета университета Митар Джоревич просил князя Николу выделить еще стипендию на два года для завершения курса обучения. В доказательство своих успехов он приложил к прошению две опубликованные им работы⁴. Конечно, материалы московских архивов содержат куда больше сведений о получавших в Москве образование черногорцах. Однако и письма из личного фонда черногорского монарха подтвержда-

ют, что выходцам с Балканского полуострова в начале XX в. был хорошо известен адрес в Борисоглебском переулке. Здесь в доме № 15 располагалось Попечительство над учащимися в Москве славянами, которое было одним из подразделений Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества. Туда обращались все, кто учился или мечтал учиться в Первопрестольной. В данном случае важно подчеркнуть, что адрес Попечительства сохранился именно в черногорском фонде. Это косвенное подтверждение того, что сотрудничество москвичей и черногорцев в сфере образования было постоянным и плодотворным.

Еще ярче высвечивает личный архив господаря масштабы благотворительности москвичей в пользу Княжества. Например, во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. известный пианист и дирижер Н.Г. Рубинштейн организовал 33 благотворительных концерта. Вырученные от продажи билетов деньги были переданы российскому Красному Кресту. 13 сентября 1880 г. Александра Николаевна Стрекалова, возглавлявшая Общество поощрения трудолюбия в Москве, отправила главе российской миссии в Цетинье А.С. Ионину письмо-просьбу: «Милостивый государь, Александр Семенович! Пользуясь постоянным вниманием, которое Вы оказываете к моим ходатайствам, я приемлю смелость засвидетельствовать перед Вашим превосходительством об особых заслугах почетного члена председательствуемого мной общества, директора Московской консерватории Николая Григорьевича Рубинштейна. С самого начала борьбы за славянскую независимость Николай Григорьевич целой серией концертов, даваемых им в различных городах России, собрал громадные суммы денег, свыше пятидесяти тысяч рублей, на помощь участникам славянской войны и их семьям. Значительная доля этой суммы поступила в распоряжение главноуполномоченного Общества Красного Креста в Черногории, немалая часть уделена и Дому воспитания сирот убитых воинов, где половина воспитанниц — славянки. В виду таких заслуг я позволяю себе просить Ваше превосходительство исходатайствовать у Его высочества князя Николая пожалования г. Рубинштейна кавалером ордена Даниила I за незави-

симось Черногории, присовокупляя, что г. Рубинштейн уже состоит кавалером орденов Св. Владимира четвертой степени, Св. Анны второй степени и французского Почетного легиона офицерского креста...»⁵. Ходатайство известной благотворительницы А.Н. Стрекаловой ярко свидетельствует об отзывчивости и щедрости представителей московской творческой интеллигенции по отношению к черногорцам. Обнаруженный нами факт из жизни известного музыканта и общественного деятеля заслуживает особого внимания специалистов по истории музыки. Тем более что им хорошо известно, каким скромным было материальное положение самого Н.Г. Рубинштейна, нередко испытывавшего серьезные денежные затруднения.

Другой пример отзывчивости москвичей связан с историей строительства психиатрической лечебницы в окрестностях Даниловграда. Это медицинское учреждение построили и открыли на пожертвования черногорцев и иностранных благотворителей в 1903 г. Необходимость создания подобного лечебного учреждения была очевидной. П.А. Ровинский писал в 1897 г.: «Вечная война с внешним неприятелем, до недавнего времени бывшие племенные междоусобия и кровавая месть создали в черногорце особенно нервное состояние, которое переходило из поколения в поколение. Кровавые войны новейшего времени 1858, 1862, а особенно 1875—1878 гг., без сомнения, не остались без влияния на оказывающееся в настоящее время большое число душевнобольных в Черногории...»⁶. Медицинских учреждений в Княжестве было вообще очень мало, а психически нездоровые люди не могли получить никакой помощи из-за отсутствия специальной лечебницы. В июле 1899 г. черногорец Йован Куячич, изучавший медицину в России, обратился к московскому генерал-губернатору великому князю Сергею Александровичу с просьбой разрешить публикацию в русских газетах объявления о начавшемся сборе средств на строительство психиатрической больницы⁷. Разрешение было дано, и уже с ноября 1899 г. в дипломатическую миссию в Цетинье стали поступать деньги от россиян. В Москве при Славянском благотворительном обществе был создан Главный комитет по сбору пожертвований, который возглавил Андрей Иванович

Дросси⁸. Так жители нашего города вместе с самими черногорцами и теми европейцами, которые откликнулись на призыв, приняли участие в важной благотворительной акции, позволившей открыть в Черногории крайне необходимое медицинское учреждение.

Благотворительная деятельность россиян в пользу черногорцев никогда не прекращалась, но становилась особенно активной в годы военных испытаний. В 1912—1913 гг. поток пожертвований заметно вырос. Приведем некоторые цифры. В конце 1912 г. московский городской голова распорядился выслать 27 мест багажа с вещами «для больных и раненных воинов», собранными жителями Москвы. 5 января 1913 г. Московский биржевой комитет отправил 23 посылки с постельным бельем, одеялами, теплой обувью и одеждой «для черногорских военных лазаретов, приобретенных по открытой Биржевым комитетом подписке». 11 февраля 1913 г. в Черногорию был отправлен багаж весом 19 пудов 18 фунтов от Славянского вспомогательного общества Москвы⁹. Такую же картину можно видеть и в начале Первой мировой войны. Вóвремя оказанная гуманитарная помощь давала современникам основания верить в то, что дружба славянских народов — не пустые красивые слова, а реальный фактор общественно-политической жизни.

Было бы преувеличением говорить о прочных научно-просветительских связях Москвы и Черногории, но некоторые зачатки подобного сотрудничества все-таки существовали. Московский университет регулярно высылал черногорскому монарху как своему почетному члену ежегодные отчеты. Возможно, такое внимание со стороны московской профессуры льстило самолюбию князя, страстно желавшего оставить свой след в культуре, как это сделал его предок-поэт Петр II Петрович Негош. В 1883 г. князю Николе выслали золотую памятную медаль, выпущенную в честь годовщины Отечественной войны 1812 г. и завершения строительства храма Христа Спасителя в Москве¹⁰. Комиссия по проведению юбилейных торжеств в честь Н.В. Гоголя пригласила правителя Черногории на открытие памятника писателю в апреле 1909 г.¹¹. Были приглашения и на другие мероприятия, связанные с памятными датами. Что

же касается собственно науки, то имеются документы, свидетельствующие о стремлении первых черногорских историков работать в московских архивах. Важной составляющей «московско-черногорских» отношений был книжный обмен, но он носил односторонний характер — движение шло только из Москвы в Княжество. Во-первых, это высылка из московских типографий больших партий церковных книг, во-вторых, некоторые авторы, увлеченные славянскими идеями, посылали в Княжество свои произведения. Среди таких корреспондентов были как известные ученые, так и никому не знакомые энтузиасты, чьи творения большой научной или художественной ценности не имели. Нередко книги посылали из практических соображений, как, например, проживавший на Поварской улице в Москве Евгений Григорьевич Лукьяновский. Он написал брошюру о борьбе с холерой и выслал в Цетинье два экземпляра, предлагая передать ее местным учителям, которые донесли бы важную информацию до своих земляков. «Насколько мне известно здесь в России, — писал автор, — в Черногории нет достаточного числа врачей для народа, следовательно, распространение таких и подобных сведений о болезнях между народом — дело великой важности. А сознание, что я принесу посильную помощь своим отдаленным собратьям, было бы для меня лучшей наградой и истинным утешением»¹². Тут же Лукьяновский добавил, что занимается переводом «Горного венца» Петра II Негоша, который тоже готов послать в Черногорию. Но можно усомниться в качестве этого любительского перевода, так как свою брошюру о холере он предлагал перевести «на черногорский язык», то есть славистом явно не был. Посылали в Черногорию, на суд князя-поэта Николы Петровича, и художественную прозу. Так, московский художник Николай Перелыгин, проживавший на Тверской улице, отправил в Цетинье свое трехтомное сочинение «Свет и тьма», которое охарактеризовал как «правдивую историю из обыденной жизни»¹³.

Отдельного внимания заслуживают те документы, в которых выразались монархические чувства россиян в отношении Дома Петровичей-Негошей и их родственных связей с династией Романовых. Например, москвич Н.П. Полгрязнов выслал в

1886 г. на имя Николы свое сочинение «Думы в дни священного коронования их императорских высочеств» и сопроводил подарок такими словами: «Я человек больной, религиозный, и в молитвах своих всегда молюсь о Вашем здравии и благодеянии за «любовь Вашу к нашему престолу»¹⁴. Другое письмо, от Владимира Сергеевича Казанцева, проживавшего на Покровке, было послано князю Николу по случаю участия черногорского монарха в погребении Александра III в 1894 г. Казанцев написал: «С глубокой любовью и уважением относится к Вашей светлости моя родина, где Вы в сердце ее, не являетесь чужим, а родным и дорогим ее душе». А в конце послания становится понятно, почему так восторженно отзывается автор письма о князе: «В минувшую годину турецкой войны я, как сотрудник московской газеты покойного Гилярова-Платонова* «Современные известия», видел геройство народа Вашего, горящего любовью и преданностью к Вам, и к православию, и истинным братским чувством к России»¹⁵. Очевидно, что общие духовные ценности, православие, героизм, с которым черногорцы защищали родину, создавали у россиян чувство близости и родства.

Чтобы картина «московско-черногорских» связей не выглядела слишком благостной, следует упомянуть и другого рода письма, адресованные князю Николу. Их было мало, но они отличались печальным, даже трагическим характером. Редко, но всё же обращались в Черногорию за помощью российские бедняки, поверив в то, как благороден и отзывчив её правитель. Так, жившая на Мещанской улице 83-летняя дворянка Софья Ивановна Капцевич по случаю свадьбы черногорской княжны Елены с принцем «наполитанским» (будущим итальянским королем Виктором Эммануилом III. — *В. X.*) выслала князю вышитый собственноручно каминный экран и одновременно попросила его о денежной помощи. Однако в 1896 г. она получила сухой ответ: «Сейчас они не в том положении, чтобы сделать что-либо для вас» («Сада нијесу у стању да учине штогод

---

* Гиляров-Платонов Никита Петрович (1824–1887) — русский публицист, общественный деятель, богослов, философ, литературный критик, мемуарист. С 1 декабря 1867 г. до 13 октября 1887 г. издавал в Москве еженедельную газету «Современные известия», где печатались смелые и правдивые, часто неугодные властям статьи, вследствие чего газета неоднократно подвергалась цензурным предостережениям и взысканиям.

за вас») ¹⁶. Как видим, черногорская элита не отличалась сентиментальностью и отзывчивостью, считая, что помощь должна идти только в одном направлении — из России в Черногорию.

Были и курьезные послания из России. Случалось, что в письменных обращениях к Николе звучали критические замечания в адрес московских общественных организаций. Некий Федор Иванович Ежишек, чех, проживший в России 11 лет, предложил пространный проект создания в Москве «консультской комиссии», задачи которой он очень подробно описал. Это и «политическое поддержание братского союза русского народа с черногорским», и ознакомление русского общества с той ролью, которую сыграла Черногория «в судьбах славянства». В случае войны, считал автор письма, можно было бы организовывать «подписки на сбор пожертвований в пользу военных сил Черногории», отправлять туда добровольцев. Также, с его точки зрения, было бы полезно проводить подписки в пользу «учащихся и воспитывающихся в Москве черногорцев», помогать больным. И коммерческие цели тоже не стоило забывать, по мнению бывшего чеха и новоиспеченного россиянина, — через комиссию станет значительно проще распространять в Черногории российские товары. Поводом для составления таких масштабных планов стало «неудовлетворительное», по мнению Ежишека, состояние российско-черногорского сотрудничества. «...Недостаток общения между братскими народами... порождает весьма странные обстоятельства, которые не могут не радовать врагов славянства», — говорилось в его послании ¹⁷. Главная претензия обрусевшего чеха была предъявлена московским славянским благотворительным обществам, которые проявляют «весьма мало жизни». А правильно организованная консульская служба, как утверждал Ежишек, непременно сможет решить все проблемы, которыми занимались МИД, славянские комитеты и образовательные учреждения, вместе взятые. Несмотря на свое критическое отношение к общественным организациям Москвы, чех утверждал, что москвичи питают к князю Николе «беспредельное восторженное уважение» и считают его «князем-героем». Таким образом, даже недовольный результатами проделанной славянскими обществами работы

энтузиаст не мог обойти молчанием тот факт, что в России вообще и в Москве, в частности, черногорцев выделяли среди всех славян и относились к ним с особой теплотой.

Подводя итог, можно утверждать, что разнообразные связи Москвы (как и других российских городов) с Черногорией подпитывали политический миф о прочной дружбе двух стран, который, в свою очередь, побуждал русских людей активно действовать в поддержку славян. Этот искренний порыв принес немало пользы черногорцам, а россиянам давал повод проявить великодушие и щедрость. Так через народную дипломатию на рубеже XIX—XX вв. выражалась не казенная, сформулированная российскими монархистами на страницах своих пропагандистских изданий, а подлинная солидарность славянских народов.

Помогая другим, россияне менялись сами. Они всё больше верили в свою важную историческую миссию, в то, что обязаны покровительствовать братским нациям. Идея славянской взаимности стала важной составной частью российского менталитета. С одной стороны, она заставляла защищать тех, кто был слабее и нуждался в поддержке. С другой, формировала русский патернализм по отношению к славянским народам, чувство старшего брата, несущего ответственность за них и имеющего права настаивать на послушании. Проявления этого патернализма дают о себе знать до настоящего времени.

Примечания

¹ Например, письмо московского купца Василия Ильича Алексеева // АОНМЧ. Ф. Краля Николе. 1904. № 186.

² АОНМЧ. Ф. Приновъени рукописи. 1881. Фас. XXIX.

³ АОНМЧ. Ф. Приновъени рукописи. 1894. Фас. XLIV.

⁴ АОНМЧ. Ф. Краля Николе. 1904. № 172.

⁵ АОНМЧ. Ф. Приновъени рукописи. 1880. Фас. XXVIII.

⁶ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. II. Ч.1. СПб., 1897. С. 344. В последнем томе своей монографии ученый писал, что черногорское правительство обратило внимание на значительное число психических заболеваний в стране «и решило устроить дом для сумасшедших. Устройство его решено сделать на пожертвования как внутри Черногории, так и за границей. Для этого в Цетинье образован был главный комитет с отделами в других местах Черногории. С того времени в «Гласе Черногорца» («Глас Црногорца») стали помещаться списки жертвователей. Приходили и из-за границы пожертвования, и иногда довольно значительные суммы. На эти пожертвования и устроили дом на прекрасном месте

близ Даниловграда. Открыт он в 1903 г.» // *Ровинский П.А.* Черногория... Т. III. Пг., 1915. С. 468–469.

⁷ АОНМЧ. Ф. Приновльени рукописи. 1899. Фас. XLVII. Део 1.

⁸ В 1908 г. А.И. Дросси в качестве почетного члена Славянского общества Москвы написал князю Николе письмо, в котором выражал негодование по поводу «злодейского замысла» против «державного вождя» (имелась в виду «бомбовая афера»). Автор послания утверждал, что русские люди чтут «доблестнейшего и великого черногорского князя Николая, как мудрого государя геройского народа, как олицетворенный идеал славянства и „единственного верного друга России“, громогласно признанного таковым перед лицом всего мира великим царем-миротворцем (Александром III. — В. Х.)» // АОНМЧ. Ф. Краља Николе. 1907. № 226.

⁹ АОНМЧ. Ф. Приновльени рукописи. 1913. Фас. LXVI.

¹⁰ АОНМЧ. Ф. Краља Николе. 1883. № 17.

¹¹ АОНМЧ. Ф. Краља Николе. 1909. № 17.

¹² АОНМЧ. Ф. Краља Николе. 1886. № 26.

¹³ АОНМЧ. Ф. Краља Николе. 1886. № 3.

¹⁴ АОНМЧ. Ф. Краља Николе. 1886. № 9.

¹⁵ АОНМЧ. Ф. Краља Николе. 1894. № 61.

¹⁶ АОНМЧ. Ф. Краља Николе. 1896. № 7.

¹⁷ АОНМЧ. Ф. Краља Николе. 1886. № 45.